

Все персонажи и события романа вымышленные. Совпадения с реальными фактами случайны.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГОЛОЛЕД

Ирина с трудом сдерживала желание пробежать душный вестибюль магазина, расталкивая неуклюжие и неторопливые фигуры, окутанные тяжелой одеждой и прикованные к полу огромными пакетами с едой. Она сейчас задохнется без глотка свежего воздуха, у нее осталась единственная потребность — вырваться на свободу из очередного, хронического, ставшего нескончаемым плена.

Ну, вот — порог, нахмуренное, недоброе, но хотя бы безграничное небо. За сорок минут, проведенных Ирой в магазине, оно совсем потемнело. Ирина натянула капюшон куртки на голову, убрала со лба взмокшую прядь темных волос. Почувствовала себя на мгновение освобожден-

Евгения Михайлова

ной и легкой... И вдруг она уже в коротком и неотвратимом полете. Пакеты с покупками летят в стороны, ноги беспомощно скользят по обледеневшей плитке, и все, что она может сделать для своего спасения, — это зажмуриться.

Под Ириной лед, вокруг темнота и слепота, она боится шевельнуться, чтобы не почувствовать острую боль какого-то перелома. Когда открыла глаза, увидела рядом с собой темные фигуры и едва сдержала крик страха. Это ее вечная фобия: она совсем беспомощна, а они уже тут, какие-то опасные и беспощадные враги.

— Девушка, с вами все в порядке? — произнес вполне приятный мужской голос. — Сможете встать или надо вызвать «Скорую»?

— Я пока не знаю, — прошептала Ирина.

— Тогда давайте попробуем.

Сильные руки осторожно подняли Ирину, помогли зафиксироваться на ослабевших ногах. Все немного ныло, но острой боли не было. Кто-то накинул ей на голову слетевший капюшон. Кто-то собирал ее продукты, разлетевшиеся из пакетов. И она уже смотрит на спасителей своими темными, постоянно тревожными глазами сквозь горячую и соленую пелену благодарности. Неужели это просто нормальные, хорошие

люди... Неужели опять пронесло? И переломов точно нет?

— Спасибо вам, — сдержанно произнесла она. — Если честно, то я ужасно перепугалась. А так — вроде все на местах.

Ирина ощущала присутствие рядом с собой нескольких человек как поддержку и защиту. Но она еще не была в состоянии хотя бы рассмотреть их лица.

— Вы далеко живете? — произнес уже знакомый голос.

— Нет, я сюда хожу пешком. Мой дом там, за школой.

— Не так чтобы очень близко, — произнес голос. И Ирина увидела, что рядом с ней остался один собеседник. — А пакеты ваши довольно тяжелые. Разрешите помочь? Меня зовут Алексей.

— Меня Ирина. Спасибо большое, но я справлюсь. Привыкла. А навьючиваюсь, чтобы реже ходить в магазин. Ненавижу это занятие вообще-то.

— Хорошо, — сказал Алексей. — Вот стоит моя машина, мы просто сократим ваши мучения. До вашего дома минуты две. И мне будет спокойнее. Гололед вообще-то везде.

Ирина неуверенно кивнула, он взял ее пакеты, велел ей держаться за его локоть, они дошли

Евгения Михайлова

до его машины. И две минуты пути Ирина напряженно думала, что сказать, если он захочет занести ее продукты в квартиру. Как мило отказать, как не обидеть, как быстро уйти и при этом не загреметь на скользкой плитке у подъезда. Она показала, где остановиться.

Получилось все быстро, непринужденно и легко. Алексей взял с заднего сиденья ее пакеты, довел до двери подъезда, вручил Ирине ее ношу и достал из кармана маленькую карточку.

— Это мой телефон на всякий случай. Пусть будет у вас. Вдруг что-то понадобится. Например, доехать в тот же магазин или из него домой. Не стесняйтесь. Я простой человек, а вы, как мне кажется, непростая и необычная девушка. Буду рад, если наше знакомство продолжится.

— Да, — нерешительно произнесла Ирина. — Еще раз огромное спасибо.

Он легко коснулся ее плеча на прощание, а она наконец сумела рассмотреть его. Сухощавое, интеллигентное лицо, внимательные серые глаза, красивые волнистые русые волосы. Каким же чуделом, наверное, выглядит сейчас она сама — растрепанная, с перекошенным от потрясения лицом и воспаленными глазами. Ирина была самокритичной в степени диагноза.

В прихожей она бессильно опустилась на табуретку у вешалки. С трудом выпуталась из куртки, положила на пол рядом с пакетами, достала из ее кармана карточку и прочитала: «Алексей Ермилов, эксперт-консультант международной ИТ-компании...» И название, которое Ирине ни о чем не говорило.

После теплой ванны она пересчитала свои синяки. У нее нежная кожа, они появляются и в менее опасных ситуациях. Она озабоченно проверяла, какого рода боль возникает при надавливании. Боль противная, конечно, но все же ни серьезных гематом, ни переломов, ни растяжений. Пройдет само.

На кухне Ирина разложила принесенные продукты. Есть не хотелось. Она взяла маленький стаканчик смузи, задумчиво съела. Затем вернулась в прихожую, проверила, закрыла ли входную дверь на все обороты. Она не забыла: это просто ритуал для подтверждения мифа собственной защищенности. Вошла в спальню для того, чтобы опустить жалюзи, и постояла у окна, разглядывая блеск обледенелого асфальта между сугробами. Это даже красиво с высоты пятого этажа: черный бриллиант и белый жемчуг в разводах темных трещин под пятой мороза. И обнаженные, окоченевшие вет-

Евгения Михайлова

ки деревьев, в молчаливой тоске взывающие к небу.

Гололед. Для кого-то временное явление природы и чья-то бесхозяйственность. Для Ирины судьба.

Ей ничего не нужно вспоминать. Она постоянно видит, как освещенные окна в темноте, одни и те же события своей жизни с очень раннего возраста. Горячие мамины руки ее одевают, кормят. И они очень часто дрожат, эти руки. Особенно когда к ним приближается грозное, темное облако. Это отец. Ира совсем не помнит его лица, только свой и мамин страх. Она видит себя, сжавшуюся в комочек под столом, а по полу к ней тянутся алые струйки. Ей тогда было три года. Пройдет немало лет, и она узнает, что той ночью отец убил ее мать. Ей об этом рассказали в детдоме.

Следующее яркое пятно прошлого. Воспитательница заплетает ей косички и говорит своим громким, деревянным голосом:

— Ты должна все время понимать, как тебе повезло. Не всем сиротам выпадает такое счастье. Тебя берут в семью. Приличные люди, не бедные. Надо стараться, слушать их, угождать, чтобы не вернули. Пока тебя выбрали просто по-

тому, что ты симпатичнее других. Но для того, чтобы тебя полюбили, они должны видеть твою благодарность.

...Через неделю Иру вынесли из дома «применных родителей» в окровавленном одеяле. Соседи выбили дверь на ее крик, вызвали полицию. В больнице ей тогда не объяснили, что с ней делал новый «папа». Только нянечка перед операцией шепнула:

— Терпи, детка. Поболит — и пройдет. Тебя всю порвали, нужно зашить.

Ира поняла, о чем шла речь, уже подростком. А тогда ей было всего пять.

Она уже стала воспринимать детдом как свое единственное убежище, но за ней опять пришли. Она была симпатичной, доброй и покладистой. Она нравилась тем, кто приходил выбирать.

...Десятилетняя Ира, растерянная и перепуганная, идет между двумя людьми, которых видит второй раз в жизни. Мама Валя и папа Петя улыбаются. Они красиво одеты, у них свой дом в Подмоскowie, у Иры отдельная комната и новая одежда... Она ходит в школу, получает пятерки, а одноклассники дразнят ее «дикаркой». Потому что она шарахается от всех, как прокаженная.

И была такая же морозная ночь, и так же сверкал лед на дороге, когда Ира разбила окно

Евгения Михайлова

своей комнаты на втором этаже, прыгнула в сугроб, уцелела и побежала по скользкой дороге в разорванной ночной рубашке куда глаза глядят. На склоне темноту вдруг осветила ее собственная резкая боль, она услышала хруст костей, и все исчезло. Ее нашли какие-то люди уже утром, обмороженную, с переломанными лодыжками.

А дальше поток тусклых кадров, полустертых ее осознанной волей. Ира приобрела опыт защиты себя от того, что помнила. Она научилась стирать информацию из своей памяти. Ее без конца осматривают и расспрашивают люди в белых халатах. И вновь пройдут годы, прежде чем Ира решится сознательно и отчетливо восстановить все, что произошло с ней в доме приемных родителей. Где папа Петя ее садистски насиловал каждую ночь, а мама Валя наблюдала.

Иру вернули в детский дом, ей было уже двенадцать. Ей некуда было деться от постоянных унижений и оскорблений других детей, которым «не повезло»: они не были настолько симпатичными, чтобы их взяли в семьи. Они, конечно, все узнали и мстительно издевались. А ей опять повезло, и на этот раз без кавычек. Врач детдома добилась ее удочерения и честно объяснила свои мотивы:

— Мне нужна надежная помощница в уходе за парализованным отцом. Ты подходишь: старательная, спокойная, разумная. Я тебя всему научу. Думаю, мы поладим и привыкнем друг к другу.

Ира вошла в ее квартиру и сразу наткнулась на пристальный, зовущий и все понимающий взгляд необыкновенно живых глаз на неподвижном, почти мертвом лице. Отец новой мамы Лиды был полностью парализован, до последней мышцы. И при этом он сохранил удивительную ясность ума, уникальную память, яркую, страстную эмоциональность. Редчайший случай. Так у Иры появился самый близкий и по-настоящему родной человек. Они были счастливы, разговаривая часами. Он говорил с трудом, она не сразу научилась его понимать. Но очень скоро ей стало легче говорить с дедом, чем маме Лиде. Она как будто слышала его мысли до того, как он их озвучивал. Ира смеялась его шуткам, он в уме решал ее школьные задачи. Дедушка Яша однажды признался своей неожиданной внучке, что больше не зовет смерть, он хочет жить и видеть, чувствовать ее рядом.

Встреча с ним стала для Ирины озарением на всю жизнь. Его уход — самой трагической потерей. Они с Лидой прожили в одной квартире

Евгения Михайлова

еще несколько лет. В девятнадцать Ирина поступила в институт и перешла жить в общежитие. Они с Лидой были честными людьми, семьей не стали, но старались не мешать друг другу и помогать в случае необходимости.

Ира вернулась в эту квартиру после смерти Лиды от рака. И здесь ее встретили тепло, свет и мудрость бабушки Яши. Этого достаточно, чтобы легче переносить и свою обделенность, и новые невзгоды.

Дом у них очень теплый, топят хорошо. Перед сном Ирина даже открывает окно, чтобы впустить немного морозной свежести в свой уют. Только у себя она и способна примириться с зимой в принципе. Перед тем, как лечь, она достала из шкафа пушистый легкий плед и положила поверх одеяла. Тепла много не бывает. А этим вечером ее еще немного знобило — не от простуды, а от какого-то неясного волнения. Да что тут лукавить с самой собой: она в смятении, как девчонка, из-за того, что пообщалась с мужчиной, которого нашла очень привлекательным. Более того, он показался ей не опасным, что важнее всего. Ирине скоро исполнится тридцать восемь лет, она преподаватель на кафедре психологии университета, ее все считают сильным профессионалом и замкнутым, даже

высокомерным человеком, о личной жизни которого ничего не известно. Так успешно она прячет свой главный секрет: ничего из того, что люди называют личной жизнью, у нее нет и не может быть. Она исключила для себя доверительные контакты: они невозможны без посторонних прикосновений к незаживающим ранам, тайнам души и тела. Только не мужчина, которому слишком многое пришлось бы объяснить, будучи в полной уверенности, что он не поймет. Только дедушка Яша все понимал, и для одной тяжелой судьбы — это подарок, какого хватит навсегда.

Впрочем, одно исключение в жизни Ирины было. Это коллега и единственная подруга Марина. Никто не способен так четко и ясно, как Марина, все расставить по местам и на каждую проблему повесить этикетку с названием и ценой вместе с инструкцией по применению.

— Страшные, постыдные тайны и уникальная боль бывают такими лишь для своего обладателя, — говорит Марина. — Ты же специалист и должна понимать, что все острые проблемы рождает лишь наша эмоциональность. Нужно просто постараться разорвать путы своего плена и выйти к другим людям освобожденной, не закомплексованной. И увидеть, что подобные

Евгения Михайлова

трудности можно найти у каждого. Собственно, ковыряться в чужих тайнах и есть наша работа.

Марина считает Иру очень привлекательной внешне. И похоже, что она не лукавит. Ирина подошла к зеркалу и, как всегда, критично и тревожно посмотрела на свое отражение. Она осмотрела довольно полную, но вполне пропорциональную фигуру. Круглое лицо с хорошей, чистой, смугловатой кожей. И большие карие глаза. Все вроде ничего. Но этот смятенный, неуверенный, даже затравленный взгляд, который так и не стал взрослым. Из-за своего обнаженного взгляда Ирина на работе носит большие очки с простыми стеклами.

Ирина безразлично отвернулась от своего отражения. Что такое привлекательность, женская прелесть и обаяние, она знает точно. Это Марина. Они ровесницы, но у Марины уже есть девятнадцатилетний сын, а выглядит она настолько юной, что и возраст, и сын, и стаж работы кажутся мистификацией. Редкая генетика.

ЗНОЙ

Рано утром Марина проснулась оттого, что в коридоре горел свет, а в ванной шумел душ. Она опять закрыла глаза и спокойно ждала,

когда ее губ коснется свежий и прохладный поцелуй.

— Не могу открыть глаза, — шепнула она. — Сон досматриваю.

— Спи, дорогая, не беспокойся, — произнес ласковый голос Григора.

— Ты поешь. — Марина взглянула на его лицо. Оно всегда выражало неуверенность и обожание, когда он смотрел на нее. — В холодильнике есть сыр, карпаччо. Кофе свари. А я досплю, ладно?

— Конечно. Я выпью кофе. Скажи только: мы еще встретимся?

Боже, он задает этот вопрос после каждого свидания. И Марина начинает чувствовать себя монстром.

— Давай созвонимся. — Она натянула одеяло до бровей и ровно, сладко задышала.

Она дождалась, пока захлопнется входная дверь, и с облегчением выбралась из-под одеяла. Лежала, обнаженная, и впитывала воздух своей свободы. Марине никогда не бывает холодно, она любую одежду воспринимает как вериги. Ночные рубашки и пижамы она продолжает покупать для тех дней, когда сын Данилка придет на каникулы. Полгода назад он стал студентом Кембриджского университета. До того,

Евгения Михайлова

как это оказалось возможным, Марина свернула горы и практически взяла в плен заместителя министра обороны, поскольку никого больше не интересовал вопрос с плоскостопием и близорукостью ее сына, а ей, Марине, даже пригрозили уголовным сроком, если не отдаст его в армию. Тот факт, что Данила был победителем восьми международных олимпиад школьников по математике, почему-то действовал на многих как красная тряпка на быков. Замминистра вник и более того: продемонстрировал готовность решать и другие проблемы Марины. Она с трудом отбилась, оставив все же на всякий случай надежду тоскующему по нежности генералу.

Марина босиком подошла к окну. За стеклом металась и кружилась буйная метель. Марина рассмеялась: это же обещанный ураган «Надя», которым синоптики уже всем плешь проели. Жги, «Надюха», замети всю грязь, разведенную людьми, всю ненависть, злобу, тупость, ложь и зависть. Да здравствует миг встречи с белой пустыней.

Она вернулась к своей подушке, уткнулась в нее лицом, вдохнула запах жаркой ночи, влюбленного горячего мужчины, собственного желания получить то, чего не бывает на свете, что больше притяжения тел. Григор. Забавная, ба-

нальная история, которая приобрела неожиданные детали.

Они познакомились пару месяцев назад. Марина шла к ближайшему метро из издательства, где выходит ее книга очерков на темы психологии. На метро проще добраться, на машине можно застрять в пробке посреди нечищенных дорог. Она очень быстро заметила, что какой-то человек очень даже сознательно идет почти вровень с ней. Это уже что-то между преследует и пристает. Марина мельком взглянула на невысокого коренастого мужчину с явно восточным лицом. Он поймал ее взгляд и широко улыбнулся:

— Я хотел у вас спросить: как пройти к метро?

— Почти остроумно, — холодно произнесла Марина. — Учитывая то, что большую букву «М» не увидит только слепой.

— Да, — еще шире улыбнулся мужчина. — Я на самом деле иду за вами. Захотелось познакомиться, но я в этом не большой мастер.

А когда он назвал ей свои имя и фамилию, дополнив все карточкой, Марина даже растерялась. Григор Вагранян. Именно тот Вагранян, известный в мире нейрохирург из Армении. Бредет просто так, скромно к метро и неумело пытается снять девушку на улице. Нет никаких сомнений в том, что он, как многие, не разобрался в ее

Евгения Михайлова

возрасте. Вот тебе и нейрохирург, светило. У метро они остановились. Как оказалось, у него машина стояла неподалеку. Марина твердо сказала, что поедет на метро. Тем более он ехал на конференцию, хотя был готов сначала отвезти ее домой. А встретиться с ним в его гостинице Марина согласилась. Почувствовала жгучее любопытство почти научного поиска. Договорились о свидании на этом месте через день.

Они встретились в шесть вечера у того же метро. Маленькая, частная гостиница, в которой останавливался Григор, была рядом с издательством Марины, а до метро рукой подать. Так затейливо случайности создают рисунок predetermined судьбой встречи.

Уютный, по-домашнему обставленный номер Григора был один на этаже. Он объяснил, что живет тут временно, пока не купит свою квартиру в Москве. Григор подготовился к особому ужину на двоих. На столе было очень хорошее вино, дорогой коньяк, пряные восточные блюда, прекрасные фрукты. У них оказалась масса общих тем. Они, несомненно, были людьми равного интеллекта. И каждый из них так выгодно смотрелся на фоне другого. Григора окружала аура высочайшего профессионала, признанного всеми: она делала привлекательными даже его

высокомерие и категоричность выводов. Марина сразу почувствовала себя возведенной на пьедестал исключительной, пленительной и непостижимой женственности человеком, который все знал об уникальности в тусклом, обыденном ряду.

Близость их была тоже особенной, мало похожей на жаркий провал в беспамятство. Временами Марине очень хотелось освободиться и бежать подальше. Нет, никакого отторжения. Григор был ей приятен как мужчина. Сразу показался не чужим, и если не близким, то узнаваемым по деталям почти родства. Только невозможно было избавиться от ощущения, что ты под пристальным взглядом экспериментатора, исследователя. Что-то среднее между пламенем страсти и холодной вивисекцией. Да, бежала бы, если бы это был не Вагранян. Не тот самый Вагранян. А этот человек оказался ей невероятно интересен со всеми своими особенностями маниакального ученого.

Все было понятно только с его отношением к ней: свидание стремилось к бесконечности, потому что Григор хотел и явно не мог оторваться от нее, отпустить. Уже на рассвете он подошел к столу, выпил рюмку коньяка, раздвинул шторы на окне. Впустил утренний луч и вер-

Евгения Михайлова

нулся к Марине, которая по-прежнему лежала, обнаженная, на кровати. Григор заговорил, это меньше всего было похоже на объяснение хотя бы в симпатии:

— Ты, наверное, привыкла к такой реакции людей. Но я серьезный профессионал, я все знаю о человеческом теле и не могу избавиться от ощущения мистификации или обмана. Если бы ты мне не рассказала о себе, я бы продолжал думать, что ты девочка лет восемнадцати. И сейчас, после проведенной вместе ночи. Какая-то особая генетика? Как выглядят или выглядели твои мама, бабушка, прабабушка?

— Нормально. Как все, я просто не хочу приплетать к нашему случайному свиданию всю свою родню. И дело точно не в генетике. У меня одной «золотая кровь», может, в этом дело.

Марина никогда не забудет острый, пронзительный, даже восторженный взгляд Григора после этих слов. Взгляд исследователя, которому страшно повезло: разрезал пациента и обнаружил бриллиант вместо сердца.

— Нулевой резус-фактор? Это правда? Не могу поверить. Ты знаешь, сколько таких людей на земле?

— Да, — скучно произнесла Марина. — Около полусотни. И давай на этом обсуждение за-

кончим. Ненавижу чувствовать себя подопытной крысой.

— Но ты же теперь близкий для меня человек...

— И ты хочешь мне рассказать, что я не могу попасть под машину или сильно порезаться, так как для меня не найдут донора и я умру от потери крови. Я в курсе. И я с детства не понимаю, почему умереть от потери крови хуже, чем от чего-то другого. Григор, мне вдруг страшно захотелось поехать домой. Утром я должна обязательно просыпаться в своей постели. Иначе весь день насмарку.

— Я тебе надоел?

— Это не то слово. Просто наше свидание закончилось. Оно прошло хорошо. Мы друг друга заинтересовали, захотели познакомиться поближе. Совсем близко. Все нормально, пора расставаться, чтобы не испортить ничего.

— Хорошо, я отвезу тебя. Не бойся, не стану напрашиваться в гости. Я понимаю, что совершенно безразличен тебе, что могу рассчитывать лишь на роль эпизода, у которого есть малый шанс повториться. Но я должен сделать вывод, так сказать, вердикт, чтобы не оставаться с ним наедине. Можно сказать?

— Предчувствие у меня не очень. Но говори, конечно. Я же не совсем бревно.

Евгения Михайлова

— А я не влюблен в тебя. Вообще не знаю, что значит это выражение. На мой взгляд, полная бессмыслица. Взрослый человек не может ни с того ни с сего влюбиться в другого, постороннего взрослого человека. Я просто точно знаю сейчас то, что смутно почувствовал, когда увидел тебя на улице и в чем совершенно убедился этой ночью. Ты не только подходишь мне в каждой детали — физиологической и эмоциональной, — ты в этом смысле для меня идеальная женщина. И, к сожалению, единственная такая. К сожалению, потому что я прочно и вполне удачно женат. У меня есть дочь, и она для меня дороже всего на свете.

— Замечательно. Так в чем печаль?

— Во всем. Огромная печаль.

Они тогда простились навсегда у подъезда Марины. А через месяц он позвонил и сказал, что опять в Москве. Она не смогла отказаться от встречи, хотя давно решила, что женатые мужчины для нее — табу. Потом еще раз и еще. Теперь встречаются у нее дома. И они уже связаны, как цепью, своей взаимной невлюбленностью. Можно поспорить с зовом плоти, но не с выбором разума. Сильного ума человека, который каждый день держит в руках чужой обнаженный мозг и так исправляет ущербность человечества. Марина его не ждет, не зовет, не скучает, не думает о его

прочной и надежной семье. Она просто привыкла к тяжести странного приобретения своей судьбы. Да и с зовом плоти все в порядке. Зной ее крови не может быть ошибкой или преступлением. Ей при рождении навязана роль фаталистки: для нее на земле не найти донора. В случае чего. Пусть будет личный нейрохирург под одним одеялом.

А как хочется выскочить из стен и пут, бежать по белой холодной дороге босиком и без одежды, чтобы мороз сделал прохладной «золотую» кровь, чтобы снежинки не прекращали таять на постоянно горящей коже.

Утром Марина сладко спала, пока ее не разбудил телефонный звонок. Это Ира, подруга. Голос хриплый и перепуганный. Ира постоянно боится всего на свете, и потому с ней случается то, чего она боится. Зимой у нее панический страх падений на гололеде из-за того, что в детстве переломала ноги, когда бежала по льду. И еще она постоянно мерзнет, трясется, кутается и страшно боится всерьез заболеть. Ира — вечная сирота. Взрослый, разумный, яркий человек с душой брошенного и растоптанного ребенка. Марина категорически не сентиментальна. И она не нуждается в дружбе, как и в любви, просто иногда соглашается это принять. Но с Ирой все совсем иначе. Они сначала были всего лишь до-

Евгения Михайлова

брыми знакомыми, приятными друг другу людьми. Но однажды Марина вдруг почувствовала, что паника и тоска, которые внезапно появляются в красивых бархатных глазах подруги, рождают в ней самой необычные эмоции. Ей хочется обнять, успокоить, защитить этого нежного и беспомощного ребенка, который пытается и не может спрятаться в теле взрослой, опытной женщины. Впрочем, нет, не так. Взрослый опыт у Иры так и не появился. Она только научилась его имитировать с помощью теории, в которой сильна.

И вот вечером это случилось. Ирина поскользнулась, упала, что-то растянула, замерзла и простудилась.

— Точно нет перелома? А температуру ты измерила? Что привезти из еды и лекарств?

— Перелома нет, температура — тридцать семь и три, еду я все же вчера купила. Лекарства какие-то есть, мне просто неохота их пить. В общем, ничего не надо, Марина. Я только поныть позвонила. Лежу под тремя пуховыми одеялами и трясусь от холода. Это даже не озноб. Просто как вспомню тот лед, темноту, — страшно на пол ступить.

— Как же ты добралась после падения домой? Тебе же не очень близко из магазина, да еще с продуктами, — спросила Марина.

— Ты знаешь, — вдруг смущенно произнесла Ира. — Мне помог встать и собрал еду, которая разлетелась вокруг меня на километры, один очень хороший человек. Он и довез меня на машине до подъезда.

— Слушай... Это уже интересно. Ты лежи, сопи под одеялами, я сейчас приеду. Разберусь с тем, что ты купила, что-то приготовлю. Сама есть хочу. И мне не любопытно — мне безумно любопытно, к кому ты решилась сесть в машину. Мы дружим сто лет, и я впервые слышу от тебя выражение «очень хороший человек».

— Разве я кого-то называла плохим? — обеспокоенно спросила Ира.

— Нет, конечно, тебе это и не нужно. Для тебя все одинаково опасно: что у тебя на лбу написано. И это вовсе не недостаток. Не твой недостаток. Это вина и беда человечества. На этом мы вступительную часть закончим. Приеду — расскажешь мне все в подробностях.

ИДЕАЛЬНАЯ ПАРА

Ирина продолжала оттаивать после своего ледяного происшествия вторую неделю. Ей никогда не бывает скучно дома одной, а сейчас можно вообще выбирать по собственному

Евгения Михайлова

усмотрению явочно-дистанционный режим. Она проводила онлайн-занятия со студентами, читала новости в интернете, следила за событиями и реакциями на них в университетском чате. Не брезговала ни сплетнями в комментариях, ни постоянно возникающими скандалами. Ира из тех людей, которым надо все знать, а детали, характеризующие коллег, — это строительный материал для объективных выводов. Ира никогда ни с кем не ссорится, даже не спорит, ей удобнее и спокойнее оценить человека в интернет-сраче, чтобы спокойно и далеко его отодвинуть от себя в реальной жизни. И повод — это ни в коем случае не грубость выражений, не накал чувств. Все, что выдает волнение, гнев, пристрастность и небезразличие личности, — это очень важно, это имеет право на внимание, понимание и уважение. В свой умозрительный черный список Ирина отправляет только четко обозначившихся носителей идей дискриминации, расизма по любому признаку, зависти и подлого, жажды травли и преследования. А неизменным объектом зависти и раздражения в чате, как и в реальной жизни кафедры, является Марина.

В то утро Ира читала комментарии под поздравлением Марины с защитой докторской диссертации. В основном — восторги, сердечки,

цветы, добрые слова. Но не существует в природе коллектива, сплоченного только в порывах доброжелательности и позитиве. Конечно, даже в этой теме есть сгустки ненависти и комья грязи. Автор в принципе один — Екатерина Иванова, но иногда ей удается подпрячь своих то ли единомышленников, то ли подпевал. Эта Катя с внешностью унылой, мрачной надзирательницы и научным, если так можно выразиться, пристрастием к незыблемым банальностям, всегда реагировала на кодовые слова, которыми коллеги и студенты неизменно щедро осыпают Марину. У Кати в мозгу зажигалась ярость, когда хвалили красоту, талант и женскую привлекательность Марины. Она выдавала длинные посты оскорблений и брани, которые, как и все у нее, оказывались скучны и банальны. Ирина все это уже знала наизусть, практически не читала, только выборочно выхватывала какие-то отдельные слова. И... Что это? Неужели Катя докатилась до откровенной лжи и клеветы? «Наша вечно юная виновница очередного торжества, — писала Катя, — обладает и другими ценными качествами. Я о предусмотрительности и предприимчивости. Так, незадолго до защиты Марина Федотова случайно сняла на улице клиента, который случайно же оказался известным нейрохирургом

Евгения Михайлова

и более чем влиятельным человеком». Дальше читать Ира не стала, но ее даже затошнило от ужаса и тревоги. Это не абстрактная брань, из которой ничего не вытекает, кроме характеристики самого автора. Но Катя — какой-никакой ученый. И она не может взять с потолка обвинение и выложить в открытом доступе. Тогда что? Что она нарыла, перевернула и переврала?

Ира схватила телефон и сразу его отложила. Нет, по телефону о таком нельзя. И как признаться Марине, что она чуть не поверила гнусной сплетнице. Как спросить... Это возможно только тогда, когда Марина будет рядом. Она обещала сегодня вечером заехать с шампанским, чтобы они вдвоем отметили ее защиту.

Кстати, это повод оторваться от дурацкого чтения и заняться уборкой, что-то приготовить. Ира принялась за домашние дела, думая о том, как хорошо жить одной. Никто не слышит ее вздохов и стонов, которые у нее всегда сопровождают процесс бытовых преодолений. А сейчас она еще и взвизгивает, когда резко наступает на ушибленную ногу, которая уже несколько дней у нее не болела в состоянии покоя. Какая-то насмешливая иллюстрация выражения «левая нога хочет». Да, у Иры болит именно левая нога, и дело в том, что ей хочется лежать. Только ради

Марины и ее торжества Ира нарушает права больной ноги.

Зато на душе стало легче. Понятно, что у Марины какие-то дела с этим нейрохирургом (интересно, с каким), это Катя не выдумала, конечно. Но она все перевернула с ног на голову, неприличный смысл был в самой подаче и интонации. А это наверняка настолько обычный рабочий контакт, что Марина даже забыла рассказать Ире.

Марина приехала довольно поздно. Привезла розовое полусладкое шампанское и роскошный шоколадный торт из «Итальянской лавки». Ира была тайной и маниакальной сладкоежкой, которая изо всех сил боролась с этой порочной страстью. Но тут такой повод. Она даже прослезилась, глядя на кондитерский шедевр.

— Спасибо, Мариночка. А я не смогла выскочить, чтобы тебе подарок купить. Решила приготовить что-то особенное, а продукты были только на борщ. Но он получился не обычный, а такой: чего там только нет. Даже мед и красное вино.

— Да это же и есть блеск, — обрадовалась Марина. — Борщ под шампанское — моя мечта.

Они смеялись, разговаривали о пустяках. И наконец Ирина нашла возможность рассказать о том, что читала чат.

Евгения Михайлова

— Сколько народу тебя там поздравляет. Какие прекрасные слова...

— Да, я читала. Еще и цветами завалили кабинет. Почему-то только розы.

— Но я прямо вздрогнула, когда наткнулась на эту сплетницу Иванову. Ты видела, что она написала о тебе и каком-то нейрохирурге? Надо же такое придумать.

— Она не придумала, — спокойно ответила Марина. — Я на самом деле познакомилась на улице с нейрохирургом Григором Ваграняном.

— С тем самым?

— Да. И пришла на работу, рассказала кому-то. Мне тогда показалось это смешным: он хотел снять меня на улице. Иванова, как всегда, подслушала, что теперь очевидно. Ты шокирована, обижаешься из-за того, что я тебе ничего не сказала?

— Просто немного удивлена. Хотя если это маленький эпизод, с какой стати рассказывать.

— Это не эпизод. Мы встречаемся время от времени. Но все так сложно, что я просто не решилась. У него семья, любимая дочь, там все в порядке. Я знаю, как ты относишься к таким вещам.

— Боже, — выдохнула Ира, — ты в первый раз призналась, что считаешь меня ограничен-

ной ханжой. Я могу все понять, особенно когда речь о тебе.

— Да нет же. Никакая ты не ханжа, это мы с Григором очень тяжелые, неудобные люди. Так сразу и не объяснишь. Я не уверена, что сама поняла, что это. А по ситуации с Ивановой все, наверное, было так. Я кому-то рассказала, потом договаривалась с Григом по телефону, говорила, что встретимся у меня. Иванова наверняка выследила. Сидела в кустах, как кикимора в тине. И нашла самую эффектную возможность сообщить об этом всему свету. Заодно объяснила всем, какая я бездарь: цепляла покровителей, чтобы докторскую защитить.

— Невероятная мерзость, — прерывисто выдохнула Ирина. — У него семья, у тебя студенты, сын, репутация и вообще...

— Неприятно, но знаешь, эта мерзость — не самая большая наша проблема. Слушай, давай отвлечемся. У нас все же праздник. И, между прочим, сегодня День святого Валентина. Тебе не звонил тот спаситель, который доволлок тебя до дома со всеми пакетами?

— Да нет. Давно забыл, наверное.

— А давай ты ему позвонишь? Еще раз спасибо скажешь и поздравíš с днем Валентина? Как тебе идея?

Евгения Михайлова

— Ой. Совсем не нравится... Хотя, может, и нужно. Он ведь на самом деле меня спас. А тогда я что-то невнятное смогла пробормотать, не приходя в сознание. Сейчас, когда все почти прошло, я могла бы по-человечески поблагодарить.

— Так звони быстрее.

— Вроде поздно?

— Ты о чем... Разве программисты спят по ночам. К тому же еще нет одиннадцати. Детское время, тем более праздник. Звони.

Алексей ответил сразу. После того как Ира представилась, была небольшая пауза. Но когда она стала объяснять, кто это, он ее прервал:

— Я прекрасно понял, кто звонит. Просто растерялся: думал, вы давно обо мне забыли.

Ира, волнуясь, очень искренне и душевно произнесла текст благодарности, который они с Мариной утвердили в последней редакции. Что-то пробормотала и о Дне святого Валентина, который и вдохновил ее на этот звонок.

Алексей вновь замолчал на какое-то время и вдруг произнес с воодушевлением:

— Вообще-то я только что вернулся с работы. Мы там день этого самого Валентина и отмечали. Пришел домой, по дороге купил вино и торт, чтобы с женой отметить. А давайте —

и вы к нам сейчас подъедете, раз не спите и уже в форме?! Мы, кстати, совсем недалеко от вас живем. Как мысль? Жена Алена кивает, она согласна.

— Даже не знаю, — растерялась Ирина. — Уже так поздно, а я с тех пор вообще из дома не выбиралась. И у меня подруга в гостях... Но вот она мне шепчет: «Соглашайся, если и меня позовут». Она на машине.

— Это просто замечательное совпадение. И подруга отличная, я уверен. Так пишите адрес.

Ирина записала, отложила телефон, в ужасе сжала руки перед грудью, как будто защищала от ударов свое сердце, и уставилась на Марину.

— Что делать, Марина? Я в шоке. И в конце концов, это ты во всем виновата. Хотя, конечно, ты не могла предвидеть такого поворота. Поехать к нему в гости... А там жена... Алена. И я с хромой ногой, запущенная, неприбранная. Какой-то фильм ужасов.

— Никаких ужасов, господи боже ты мой. Ты просто прекрати трястись. Затем прими душ и вымой голову. Это три минуты. Я сама уложу волосы феном, чтобы было естественно, как будто они всегда такие. Чуть подкрасить ресницы, губы и влезть в какую-то приличную, но не нарядную одежду. Что-то такое: я всегда готова

Евгения Михайлова

выскочить в гости к друзьям, для меня это приятная мелочь Иди, а я выберу.

Перед тем, как выйти из квартиры, Марина внимательно и придирчиво осмотрела подругу. Все отлично. Любой должен оценить, если не дурак. Интеллигентная, чуть усталая женщина. Простые коричневые брюки, свободный шелковый пуловер песочного цвета. Каштановы волосы естественной волной падают до плеч. Легкий, почти незаметный макияж. Во всем спокойствие, мера, уверенность ума и опыта. И налет сумеречной тайны, загадки, что и делает Иру неотразимой, как кажется Марине. А разгадка... Для самых пытливых и настойчивых она в широко распахнутых карих глазах. Это робкая детская надежда на чудо, которого эти глаза никогда не видели.

Дорога до дома, в котором жили Ермиловы, заняла пятнадцать минут. Марина припарковалась во дворе и с видом фокусника достала из багажника роскошный букет темно-лиловых роз.

— Как чувствовала. Выбрала из кучи других. Решила домой отвезти. И так пригодились.

Дверь квартиры на семнадцатом этаже была открыта. Подруги вошли в просторную, светлую и уютную прихожую, где их уже ждали хозяева.

Марина с порога профессионально-беглым взглядом сразу оценила его, спасителя. То, что надо, в немислимой степени: спортивная фигура, приятное лицо, серые красивые глаза, умный, внимательный и доброжелательный взгляд. Конечно, интеллеktуал, но ни разу не ботаник. Марина перевела взгляд на его жену и мысленно ахнула. На Алене были коричневые зауженные брюки — 7/8 и тонкое бежевое худи с капюшоном. Стрижка совсем короткая, но волосы такого же каштанового цвета, как у Иры. И карие глаза, только небольшие, с узким разрезом. Они смотрят со снисходительным выражением: впечатление такое, что Алена осматривает всех сверху вниз, хотя она невысокая.

Марина взглянула на перепуганное лицо Иры, посмотрела в веселые глаза Алексея и весело, заразительно расхохоталась.

— Вы договорились, дамы? В этом интрига?

— Не думаю, — подхватил Алексей. — Слишком сложная версия. Они просто конгениальны.

— А я ведь сначала, когда Леша сказал, что гости приедут, хотела надеть новое черное платье в пол, — охотно продолжила тему Алена высоким, звонким и каким-то негнуцимся голосом. — А потом подумала, что хозяйка не должна своим видом затмевать гостей, если они женщины.

Евгения Михайлова

— Ну да, понятно, — с мягкой иронией заключил Алексей. — У тебя получилось. Точно не затмила.

— Вы чудесно выглядите, — улыбнулась Алене Марина. — А то обстоятельство, что вы с Ирой в одном стиле и одной цветовой гамме, только подчеркивает индивидуальность каждой. Моя Ирина совсем другая, но она всегда чудо сама по себе.

— Согласен, — произнес Алексей. — А теперь пошли быстрее за стол: мы не мастера, не кулинары. Я принес торт, а Алена заказала четыре пиццы, и они пока еще горячие.

— Дамы, если хотите, можете надеть тапочки: у нас есть все размеры, — радушно предложила Алена и показала на две полки с выставленными на них красивыми домашними тапками разных цветов.

— Божечки! — восхитилась Ирина. — Всегда хотела, чтобы в доме было много новых и красивых комнатных тапок, но не в состоянии осуществить эту мечту.

Когда они с Мариной выбирали и переобувались, а хозяйева уже прошли на кухню, Ира вцепилась в локоть подруги и прошипела ей в ухо:

— Больше не смей меня подавать, как товар на ярмарке. Я чуть со стыда не сгорела.

— А ты убери с лица выражение: мы не местные, мы убогие, мы просто у порога стоим, — отрезала Марина. — И вообще давай расслабимся и начнем получать удовольствие. Хозяева — люди интересные, по-своему забавные.

За ужином все старательно сохраняли и подчеркивали «теплую и дружественную» обстановку. Это было совсем не сложно: общие темы находились легко, мнения совпадали часто, а уровень информированности был у всех практически равным. Алена оказалась врачом — стоматологом. Она умудрялась и за едой сохранять снисходительное выражение лица и повелительные нотки в высоком голосе, лишенном оттенков. Все дружно хвалили пиццу, как будто она ее испекла, торт, который Алексей купил в магазине, удобную, уютную обстановку квартиры.

— Это все Алена, — привычно говорил по каждому поводу Алексей.

Посреди ужина раздался звонок в дверь. Алена побежала открывать, вернулась с очень высоким человеком, который исподлобья смотрел на всех темными глазами, очень похожими на Аленыны.

— Это мой брат Николай, — представила его Алена. — Называется сводным, потому что

Евгения Михайлова

у нас разные отцы. Но он у меня единственный родственник.

— Угу, — подтвердил брат.

Он сел за стол и какое-то время молча поглощал еду, положенную ему в тарелку сестрой. Затем поднял голову и с недоумением уставился на Иру с Мариной. Алена рассмеялась.

— Не обращайтесь внимания, дамы. Коля — очень подозрительный, а я не успела ему объяснить, кто у нас в гостях. Коля, это знакомые Алексея. Подруги. Одну из них Леша спас во время ее падения на гололеде. И мы решили их сегодня пригласить.

— Все в порядке, Николай? — весело уточнил Алексей.

— Да, — прервал свое молчание брат. — Очень приятно. И всем спасибо. Я пойду, мне спать пора, завтра на работу.

Он откланялся, Алексей к концу ужина погрустнел, казался отстраненным.

Алена же... Она каждую фразу начинала со слова «я». Даже когда речь шла о погоде, политике, спорте. Марина и Ира сразу это отметили, пару раз переглянулись и по умолчанию решили никак не реагировать. Хотя временами это было не просто. Алексей в ходе беседы процитировал

удачную фразу своего друга. Тут же помрачнел и сказал, что друг недавно умер от коронавируса.

— Три месяца прошло... Все пытаюсь примириться с отсутствием Игоря, забываю, что его нет, а потом еще больше горюю, — вдруг почти жалобно произнес он, как будто попросил у всех помощи. Ирина даже сжала руками край стола, чтобы не коснуться его лица, утешая.

— А я, — охотно подхватила Алена, — как только узнала об этом, сразу стала искать статистику смертности сорокалетних. Затем измерила себе температуру, оказалось — тридцать семь и две. Выпила все лекарства, которые у меня точно подобраны по лучшим рекомендациям. Хотела задремать, но потом вспомнила, что в таких ситуациях нужно поднимать настроение, чтобы не началась депрессия. Нашла легкий комический французский сериал и позвонила Леше, чтобы купил мое любимое красное вино. Я люблю грузинские полусладкие вина. И эклеры с шоколадным кремом. Он вечером все принес, и, представляете, я измерила температуру, оказалось — тридцать шесть и шесть. Спала хорошо.

— Может, я сбегаю в наш круглосуточный магазин за выпивкой? — с явной тоской и надеждой спросил у всех сразу Алексей.

Евгения Михайлова

— Нет, спасибо, — торопливо ответила Ирина. — Мы поедем, у нас с утра занятия, мне хотелось бы наконец провести их не дистанционно. Да и темнотища все еще пугает, кажется, что под ногами лед.

Тут подружки дружно стали прощаться. Хозяйва вышли с ними в прихожую, и Марина зафиксировала откровенно грустный взгляд Алексея. Он мог быть связан с чем угодно, но лучше думать о том, о чем хочется думать.

Они с Ирой наконец оказались вдвоем в салоне машины. Посмотрели друг на друга.

— Я... — произнесла Ира.

— Ох, да... — зашлась в хохоте Марина. — У меня голова забита под завязку белыми шариками для бадминтона. На каждом сияет и даже вопит большая буква «Я». Но не будем злословить. В целом идеальная пара, и мы отлично провели вечер. Что касается маленькой слабости жены Алексея, то она вполне компенсируется явными достоинствами: она в меру доброжелательна и совсем не ревнива. Чему замкнутость на себе только способствует. Она в гармонии с собой.

— Да, достоинства очевидные, — печально согласилась Ирина. — Алена гостеприимна, от-

кровенна, рада поделиться со всеми мыслями о себе. И эта уникальная коллекция комнатных тапок, и тот факт, что сегодня она точно не обнаружила рядом с собой достойного объекта для ревности. Да, она стройная и с хорошим вкусом.

— Но более странного брата нарочно не придумаешь, — заметила Марина.

И подружки опять весело рассмеялись. Вечер удался.

ДЕНЬ ПОСЛЕ

Марина приехала к себе поздно ночью и обнаружила под дверью своей квартиры Григора. Он сидел прямо на полу, доверчиво прильнув к стене, и крепко спал, похоже, давно. Рядом стояла большая живописная корзина, заполненная цветами, фруктами и бутылками с вином. Он в первый раз приехал к ней без договоренности. Возможно, думал, что она его ждет в день своего торжества. Или просто понадеялся на это. Марина опустила на корточки и стала внимательно рассматривать его лицо. Оно было сейчас совсем беззащитным под ее взглядом. Марина обнаружила, что у него длинные ресницы, и они вздрагивали во сне, как у ребенка после долгого

Евгения Михайлова

плача. Какая нелепость: сердце Марины сжала жалость, так похожая на родство. Это чувство она не испытывала еще ни к кому, кроме сына. Там вечное дитя, которое не может жить без ее нежности, жалости и защиты. Тут — немолодой, опытный, практически всесильный мужчина, и он отлично живет без эмоциональной шелухи. Он искал ее и выбрал в огромном мире, чтобы приобрести все, что нужно его душе и телу, — без любви и привязанности. Как сокровище, которое держат в сейфе, чтобы время от времени убеждаться в том, что оно есть. И почему Марине вдруг показалось, что великий Вагранян однажды не сможет помочь одному человеку — себе самому.

Она сначала открыла ключом входную дверь, затем потрясла его за плечо.

— Ну, здравствуй, — сказала она, когда он открыл глаза. — Я приехала бы раньше, если бы ты позвонил.

— Не переживай, дорогая, — улыбнулся он. — Я просто хотел неожиданно поздравить. И я отлично выспался тут.

Они посидели за столом, обильно заставленным прекрасными яствами из корзины, почти ни к чему не прикасаясь. Рассвет лег печалью на их усталые лица. Марине скоро собираться на

работу, а у Григора сложная операция в одной из клиник, в которых он практикует. Он, собираясь поздравить Марину с защитой, назначил и дату операции. Не пропадать же целому дню, когда люди ждут и страдают.

Ирина собиралась на работу, как на каторгу. Нога, конечно, жутко разнылась. Голова была тяжелой, а в глазах как будто битое стекло. Она не спала ни минуты этой ночью, точнее, в тот ее кусочек, который провела в своей постели. Крутилась, билась со своими одеялами, пытаясь выбросить из головы картинки и воспоминания вечера в гостях у Алексея. Отсюда, из темного одиночества, все казалось мучительным, неловким, даже постыдным. Ведь совершенно очевидно, что они с Мариной притазились в семейный дом не просто в гости к нормальным людям, а с видами на чужого мужа, который имел неосторожность поднять с гололеда одну неуклюжую женщину с одичавшей и больной душой. И был настолько беспечен, что открыл дверь своего жилья, рассчитывая всего лишь приобрести новых друзей, комфортных в общении, легких, открытых, в идеале даже веселых. Что получилось? Алексей сидел рядом с чужими, не слишком доброжелательными тетками и без конца якающей женой и тосковал по умерше-

Евгения Михайлова

му товарищу, понимая, что замены в дружбе не бывает.

Ирине удалось принять душ, одеться. Попыталась выпить кофе, но горло сдавил спазм волнения и тревоги. Она не находила в себе сил ни выйти из дома, ни явиться к другим людям — в коридор кафедры, в аудиторию. Чуть не вцепилась в спасительную мысль: нет никаких проблем, можно сегодня все отменить, сказать, что еще болеет. И остаться дома, закутаться в одеяло с головой, надышать себе сон и покой. Но ведь любому ежу понятно, что через день, неделю, месяц выбраться из норы будет еще труднее, и левая нога станет симулировать все отчаяннее, пока не доведет себя до полной инвалидности. Нет, надо собрать всю свою решимость, сделать это, отработать день как разумный, профессиональный человек. А потом... Потом очень хорошо подумать, почему столько смятения в ее сердце из-за одного полужнакомого мужчины.

Алексей встал очень рано, мельком взглянул на жену, свернувшуюся уютным клубочком у противоположного края кровати. На ее глазах, как обычно, черная маска для сна, в ушах беруши. Идея заказать кровать шириной в три метра

возникла после того, как Алена категорически отвергла его предложение об отдельных спальнях. Ничего коварного в этом предложении не было, наоборот: у самых близких людей должна быть возможность отдохнуть друг от друга, не думать о том, что ты можешь помешать, разбудить, вызвать раздражение. Алексей считал, что это нужно не потому, что у них что-то не так, а потому, что все нормально, даже отлично. Прекрасные отношения: доверие и теплота, физическая совместимость, взаимная моральная ответственность. Да, именно такими словами Алексей определяет для себя ценность своего брака. Звучит, как в протоколе, но он убежден, что лишь такая отлакированная нормальность, подсушенные эмоции и сдержанные, корректные желания спасают людей друг от друга, от самих себя и не дают браку превратиться в катастрофу. Он слишком хорошо знает, что шаг вправо, шаг влево от жесткой нормальности могут приблизить лишь пропасть, а о побеге не будет и речи. Он это видит вокруг и постоянно, он мысленно это всегда примеряет на себя.

Короче, его идея с отдельными спальнями сразу была зарублена на корню. И не потому, что Алена так жаждет его общества каждую секунду, пылает и взывает. Все ровно наоборот:

Евгения Михайлова

Алена обожает и по-настоящему лелеет только себя, и для нее это почти подвиг — подвергать себя риску быть разбуженной мужем, который часто возвращается очень поздно, потерять часы своего сна, если ему нездоровится или просто не спится. Но она мужественно натягивает повязку на глаза, толкает затычки в уши, как стойкий охранник на страже собственного покоя, и полностью уверена, что таким образом создает и держит в своих тонких, сильных руках самый правильный брак на свете. Другого ей не надо.

Это все примитивно, это раздражает Алексея? Да, разумеется. Это просто бесит, и... это такое благо, на которое можно променять даже свою свободу. Все постоянно в одной плоскости, без дыма пожаров, без вкуса запекшейся крови на губах, без стонов обезумевшего сердца. Это просто дом, где все понятно и по порядку, только иногда не хватает воздуха. Это семья, которая, может, немного жмет, как ботинки на размер меньше, но ты точно знаешь, что под ногами теплый и чистый пол, а не минное поле.

Он постоял под холодным душем, побрился, проглотил на кухне кусок вчерашней пиццы с фрагментами колбасы и сыра, которые на этой стадии превращаются в пластмассу.